

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ: ТРАДИЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ. СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

МИНУС-АНТРОПОЦЕНТРИЗМ, ИЛИ ЛИНГВИСТИКА – ЭКОЛОГИИ КАК ПРОЕКТ

В.К. Харченко
(г. Белгород, Россия)

Рассматривается проблема взаимоотношения природы и человека, ее отражение в художественных текстах, ставится вопрос о языковых особенностях при создании контекстов, несущих суггестивный заряд.

Ключевые слова: антропоцентризм, лингвистика, экология, синергетические механизмы природы, языковая личность

В последнее десятилетие название научной дисциплины «экология» всё чаще используется в переносном смысле, синонимичном словам «защита», «сбережение», «благоговейное отношение». Сказанное относится и к языку, прежде всего, к родному языку, который (кто бы спорил?) нуждается в любви, уважении и сохранности, когда одно чувство естественно вытекает из другого, ответно усиливая породившее его ощущение. Полагаем, однако, что не менее интересным проектом прикладной филологии может стать и прямо противоположный вектор усилий со стороны профессиональных лингвистов, а именно исследование того, как через язык его носители могут помочь не только окружающей человека природе, но природе вообще, «не заинтересованной» подчас в существовании *homo sapiens*. При этом необходимо актуализировать одну, не самую популярную методологическую установку.

География, увы и ах, сейчас не в почёте, доходит до того, что на конференциях, встречах, совещаниях географы предпочитают представляться более престижно как экологи. Некоторые страны, в частности Израиль географию как предмет собираются переименовать в «географию человека», то есть в экологию (Радио России 10 октября 2015 г.), что является весьма тревожным симптомом.

Эколог, как известно, ратует за сохранение благополучия человека на том или ином участке территории, тогда как географ на глубинном уровне изучает тайны мироздания и уникальность, по концепции В.Л. Глазычева и В. Родомана, каждой пяди земли в независимости от того, освоена эта территория человеком или пока ещё нет. Пусть *homo sapiens* не видит явной пользы от какого-либо животного или растения, но и их необходимо сберечь. География должна пестовать, повторим и подчеркнём, *уникальность* каждого территориального фрагмента. В отношении человеческого «присутствия» нечто подобное происходит сейчас и в лингвистике. Редкая диссертация обходится без реверанса в сторону антропо-

центризма, тогда как можно предложить и другие поведенческие установки: теоцентризм (*Бог*), биоцентризм (*жизнь*) *etc.*

Итак, если в качестве рабочего исследовательского лозунга-ориентира взять «минус-антропоцентризм», то мы, филологи, могли бы пристально, прицельно изучать как минимум три блока языкового материала.

Первый такой блок составляют художественные и научно-популярные описания дикой природы. В своей статье мы писали о каталогах Жюль Верна, писателя, сохранявшего экспрессию сюжета, но при этом при описании необитаемых земель умевшего вплетать в перечни знакомые и чарующие новизной незнакомые названия, будь то названия растений, или животных, или минералов [Харченко 2016: 185-186]. Здесь срабатывает, во-первых, суггестивное начало прикладной филологии, опирающееся на древнейший, биологически данный нам инстинкт собирательства: иметь (а как следствие потому и знать!) всего и побольше. Во-вторых, срабатывает и эффект новизны, которым в настоящее время пристально занимается отдельная область знаний – кайнэрастия [Сосланд 2006: 40-41]. Кстати, это – изображения дикой природы в художественной литературе встречаются нечасто, это, скорее, прерогатива книг о путешествиях и путешественниках.

В художественном дискурсе это выступает как встреча, знакомство с дикой природой. Кстати, оценочное определение «дикая» целесообразнее заменять синонимом с мелиоративной коннотацией: «первозданная». Смысл рассказа Валентина Распутина «Век живи – век люби». Чарующая природа, щедрость тайги: ягод, грибов, орехов, богатство растений – всё это перевешивает случившееся. С трудом собранные ягоды, «переночевавшие» в железном ведре, нельзя использовать. Односельчанин из вредности не предупредил мальчика, что нельзя брать оцинкованную ёмкость. «Встреча с первозданной природой» – это особая важнейшая тема творчества писателей, неявная актуальность которой всё острее выступает по мере захвата человеком новых и новых пространств. Методологически здесь просматривается суггестивная идея – учиться у природы, во-первых, разнообразию, во-вторых, гармонии. Известен тезис: культура – это многообразие, но многообразие природы кратно превосходит достижения культурных слов и срезов. «Чем биоценоз разнообразнее, тем он долговечнее».

Актуализировавшиеся в последнее десятилетие синергетические исследования также настоятельно требуют изучения синергетических механизмов природы, то есть её гармонии, парадоксально взаимодействующей с хаосом. «Я говорю вам, – писал Ф. Ницше, – нужно носить в себе ещё хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду». Исследование богатства и разнообразия ландшафтов и их составляющих требует, соответственно, и обогащения языка такого описания, а это уже сугубо лингвистический мессидж. А может быть, наш разговор о будущем мире потребует нового словаря? В любом случае перед лицом всё более явственной разнородности мира мы всё ещё чувствуем ограниченность традиционного языка [Капуцинский 2009: 80].

Второй блок исследования образуют контексты, в которых демонстрируется, как природа «приходит в себя» после исчезновения непосредственного её хозяина. Классический пример – это великолепное описание заброшенного сада

Плюшкина. Описанием этого сада, подробно процитировав, восхищался В.В. Набоков [Набоков 2010: 60-61]. Повторим фрагмент гоголевского описания:

В стороне, у самого края сада, несколько высокорослых, не вровень другим, осин подымали огромные вороны гнёзда на трепетные свои вершины. У иных из них отдёренные и не вполне отделённые ветки висели вниз вместе с иссохшими листьями. Словом всё было хорошо, как не выдумать ни природе, ни искусству, но как бывает только тогда, когда они соединятся вместе, когда по нагромождённому, часто без толку, труду человека пройдёт окончательным резцом своим природа, облежит тяжёлые массы, уничтожит грубо-ощутительную правильность и нищенские прорехи, сквозь которые проглядывает нескрытый, нагой план, и даст чудную теплоту всему, что создавалось в хладе размеренной чистоты и опрятности.

Этим отрывком Н.В. Гоголь даёт прекрасный урок описания природы при уходе человека, создавая свои слова (*грубо-ощутительная правильность*), подбирая эпитеты (*нагромождённому, часто без толку, труду*) – узнаваемая и сейчас картинка!), уважая «частности» описания (*высокорослых, не вровень с другими, осин; отдёренные и не вполне отделённые ветки*). К этому же блоку относятся описания покинутых, «неперспективных» деревень, чернобыльской зоны, рукотворных морей и т.д. и т.п. Разумеется, тема исчезновения человека и человечества волнует не только писателей, особенно писателей-фантастов, она представлена и в научно-популярном дискурсе.

Наконец, третий блок проблематизируемого материала составляют контексты, а то и целые тексты, как человек возвращает природе утраченное: сажает не дерево – целый лес [Тихолоз 2009: 7-39], делает почву наиболее плодороднейшей, защищает исчезающие виды животных и растений, не разрешает детям растаптывать несъедобные грибы, противится поджогам травостоя по причине элементарной лени выпалывать, лелеять землю.

Здесь начинает играть красками суггестивная составляющая прикладной лингвистики (восхищение поступком, действием), когда зарождается желание подражать образцу, тиражировать идеальное отношение к любому природному объекту. Прикладная филология в этом плане может популяризировать контексты, несущие суггестивный заряд. Приведём в качестве таких образцов запись из дневника М.М. Пришвина и наблюдение Виктора Конецкого.

Но деревья мои, тоже личные, как и люди, – каждое дерево я вижу теперь, как человека, со своими собственными лицами, – все эти деревья выступают без всякого бремени, прекрасные и святые <...> Основной источник благодати, называемой теперь по-учёному геооптимизмом, исходит от деревьев и всего зелёного покрова земли (5 мая 1946 г.) [Пришвин 1986: 475]. В природе не только борьба, но и «всеобщая симпатия», поле сочувствия, связи и сопереживания, к которому причастны даже растения. Может быть, действительно существует пресловутое биологическое поле [Конецкий 1975].

Благоговейное отношение к природе отличало монастырскую культуру. Это, например, известные произведения И.С. Шмелева о Валаамском монастыре [Шмелев 1990], С. Фуделя о Толгской обители [Фудель 1991]. Заметим, однако, что энергия освоения (бережного освоения!) новых территорий нужна и на перспективу. Так, рано или поздно человечеству придётся осваивать другие планеты

[Переслегин 2011: 145-154]. Проблема космоса как территории будущего стоит всё острее, что требует не только ещё большего развития интеллектуальных сил, но и ещё более тонкого воспитания культуры эмоций, а это уже задание, адресуемое языку воздействия на личность, которая не случайно трактуется как *языковая личность*.

Литература

- Капуцинский Р.* Главы из книги «Стремнина истории // Звезда. 2009. № 10.
Конецкий В. Морские сны. Л.: Советский писатель, 1975.
Набоков В.В. «Мёртвые души» // Лекции по русской литературе. Спб.: Изд. группа «АЗБУКА-КЛАССИКА», 2010. С. 45-101.
Переслегин С.Б. В колыбели. Космос как возможность спасения // Нева. 2011. № 4. С. 138-155.
Пришвин М.М. Дневники 1905-1954. Собрание соч. Тт. I-VIII., Т. VIII. М.: Худ. лит., 1986. 759 с.
Сосланд А. Влечение к новизне // Знание – сила. 2006. № 8. С. 40-46.
Тихолоз А. Старик, посадивший лес // Новый мир. 2009. № 3. С. 7-39.
Фудель С. Воспоминания // Новый мир. 1991. № 4. С. 182-212.
Харченко В.К. Инженеринг Жюль Верна // Нева. 2016. № 4. С. 181-188.
Шмелёв И.С. Старый Валаам // Москва. 1990. № 9. С. 77-111.

РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ФАКТОР КАК ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ СОЗДАНИЯ АДЕКВАТНОЙ ТЕОРИИ РУССКОГО СУБСТАНТИВА

В.Г. Руделёв
(г. Тамбов, Россия)

*Посвящается замечательному русскому ученому-лингвисту,
талантливейшему педагогу, прекрасному человеку –
Сакмаре Георгиевне Ильенко*

Теперь уж чистых рек так мало:
нужда в энергии остра...
Сакмара! Милая Сакмара!
Невы достойная сестра
Владимир Руделёв

На примере поэтических текстов А.А. Фета и А. Вознесенского автор статьи рассуждает о теории частях речи в современном русском языке, уделяя особое внимание противопоставленности маркированных частей речи частеречному нулю, коим является существительное.

Ключевые слова: субстантив, частеречная система, оппозиция

Уже на первой стадии нашего исследования, благодаря применению метода оппозиций и нейтрализаций, почерпнутого из теории Н.С. Трубецкого, постро-